

ВОПРОС О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Н. Н. Козлова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 февраля 2019 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям позиции либерально-западнического журнала «Вестник Европы» по вопросу о путях развития России рубежа XIX–XX вв., рассмотренным на материале публикаций за период с середины 1880-х гг. до начала 1918 г. Считая европейский путь естественным и необратимым, отвергая обвинения в отсутствии патриотизма и преклонении перед Западом, авторы журнала доказывали, что западный опыт противоречил прежде всего убеждению власти в незаменимости самодержавия как способа управления Российской империей, и антизападнический характер официальной идеологии, определявшейся известной формулой «Православие, самодержавие, народность», был направлен на консервацию устаревших форм социально-политической жизни, что в конечном счете привело страну к потрясениям начала XX столетия.

Ключевые слова: рубеж XIX–XX вв., идеология российского самодержавия, российский либерализм, журнал «Вестник Европы», русская революция.

Abstract: the article deals with unique aspects of the approach of the liberal Western-oriented periodical “Vestnik Evropy” to the issue of the ways of Russia’s development at the turn of the 19th and 20th centuries studied on the basis of the publications from the mid-1880s to the beginning of 1918. The authors of the periodical considered the European way of development as natural and irreversible rejecting the accusations of lack of patriotism and admiration for the West. They argued that the Western experience was primarily contrary to the belief of the authorities in the irreplaceability of the czarist regime as a way of ruling the Russian Empire. The anti-Western nature of the official ideology, described by the well-known formula “Orthodoxy, autocracy, national spirit”, was aimed at safeguarding obsolete forms of socio-political life, which finally led the country to the cataclysms of the early 20th century.

Keywords: the turn of the 19th and 20th centuries, the ideology of the Russian czarist regime, Russian liberalism, the periodical “Vestnik Evropy”, the Russian revolution.

Путь развития России — одна из «вечных» тем отечественной публицистики. Более двух столетий продолжают споры о том, какая модель предпочтительнее для нашей страны. И, хотя объективно она на протяжении всего этого периода с большим или меньшим успехом шла по пути европеизации, вопрос об отношении к Западу продолжал и продолжает оставаться в общественном сознании поводом для серьезных идейных разногласий.

Идея о том, что уникальность исторической судьбы России делает как минимум проблематичным следование европейским образцам в ее развитии, легла в основу формирования целого ряда течений русской общественной мысли, начавшегося в 1830–40-е гг. Инициатива принадлежала тогда российской власти, предложившей триаду «Православие, самодержавие, народность» в качестве основы официальной идеологии. Она утвердила принципиальную, освященную многовековой традицией специфику российского социально-политического устройства и указала на его «здоровые

начала» в противовес охваченной всевозможными «заразами» Европе.

Начавшиеся вслед за этим дискуссии между сторонниками «официальной народности», западниками, славянофилами приобрели особую остроту и новых участников — почвенников, народников — в 1860-е гг. Известно, какое влияние оказала на общество идея «особого пути» России в эпоху «великих реформ». В то же время проводившиеся властью либеральные преобразования по европейским образцам способствовали усилению позиций либерального западничества. И появление в этих условиях такого издания, как «Вестник Европы», было закономерным. Однако до трагического завершения царствования Александра II дискуссии с «самобытниками» не входили в число первостепенных задач редакции. Главными были поддержка либерального курса правительства и критика отступлений от него, которая в первой половине 1870-х гг. вызвала два предостережения со стороны цензурного ведомства, поставивших под угрозу существование журнала. И если бы не «амнистия печати» 1877 г. после победы под Плевной, судьба «Вестника Европы» могла быть весьма драматична.

Свидетельство чему — заключение, данное Главным управлением по делам печати в 1879 г.: «После сделанных взысканий преследуемое ими направление журнала значительно ослабло, хотя и до последнего времени остались в нем следы прежних тенденций» [1, 8–9] с длинным списком этих «следов», представляющих собой критику разных сторон внутренней политики правительства.

Привлечь весь авторский актив к разностороннему анализу и критике концепций «особого пути» России редакцию «Вестника Европы» заставила кардинальная смена правительственного курса после 1 марта 1881 г. С началом контрреформ Александра III триада «Православие, самодержавие, народность» была поднята на уровень национальной идеи, в свете которой либеральные ценности, выработанные европейской социально-политической культурой, представлялись враждебными национальным интересам России и не могли служить образцом для ее дальнейшего развития. Больше всего этот западный опыт противоречил убеждению верховной власти в незаменимости самодержавия как способа управления Российской империей. Унаследованное Николаем II, это убеждение фактически сохранялось до самого падения монархии, хотя взрыв 1905 г. и вынудил последнего российского императора провести серию серьезных либеральных преобразований.

Именно эта официально утвержденная специфика российской судьбы: «особая» власть в соединении с «особой» религией и «особым» народом¹, моральное превосходство режима российской власти над всеми существовавшими на Западе — стала главным объектом критики в «Вестнике Европы» на рубеже XIX–XX вв. Поскольку осуществляемая под этими знаменами консервация устаревших форм социально-политической жизни, по мнению авторов журнала, могла привести страну к серьезным потрясениям.

Средоточием этой критики стала рубрика «Из общественной хроники», которую вел постоянный автор «Внутреннего обозрения» К. Арсеньев. О причинах, по которым полемическое острие его публицистики было направлено в сторону правительственной печати, главным образом газеты «Московские ведомости», он не раз упоминал в письмах издателю и редактору журнала М. Стасюлевичу. 1898 г.: «Мнения их («Московских ведомостей». — Н. К.) опровер-

гаются нами настолько, насколько это мнение кое-кого “другого” [2, 14]. 1907 г.: «Когда у нас началась “новая эра”, я думал, что мне никогда больше не понадобится излюбленный мной в течение многих лет прием полемики, номинально направленный против “Моск. вед.”... а на самом деле метящий в другую цель. И вот приходится к нему возвращаться: опять за статьями “М. в.”, как и за прокламациями “Союза русского народа”, стоит сила, с которою трудно бороться прямо и открыто!» [3, 38].

Вот только один из многочисленных эпизодов этой полемики, имеющий непосредственное отношение к нашей теме. В начале 1890-х гг. вышло новое издание комедии А. Грибоедова «Горе от ума», которую «Московские ведомости» тут же охарактеризовали как сатиру на холопов европейского просвещения. «В том, против чего восстает Чацкий, нет ровно ничего европейского, — отвечал К. Арсеньев. — Не у Запада научился Максим Петрович... “отважно жертвовать затылком”, не в европейской школе образовался “Нестор негодяев знатных”. То зло, которое внушает не смех, а отвращение и ужас, то зло, в борьбе с которым Чацкий только и мог возвыситься до истинного героизма, — не имеет ничего общего с “людьми из города Бордо” или с “подражательницами модистками”... “толпу мучителей” Чацкий возбудил против себя не осуждением “пустого, рабского, слепого подражания”. Она вооружилась против него за непочтительность к властям, за непризнание спасительной силы поклонов и “исканий”, за скептическое отношение к чинам и мундиру, за сочувствие “завиральным идеям”, и нельзя не сказать, что она поняла его гораздо лучше, чем понимает его современная quasi-консервативная критика... невозможно искать Чацкого в лагере консервативном или ретроградном... По терминологии этого лагеря, свобода для них есть полнейшая несвобода для всех, “несогласно мыслящих с нами”. Не о такой свободе мечтал грибоедовский Чацкий» [4, 456, 457].

Неоднократно со стороны «Московских ведомостей» и близких им изданий звучал призыв принять у М. Стасюлевича новую присягу на верноподданство, выдвигались прямые обвинения типа: «“Вестник Европы” доволен перечисленными мерами — ergo эти меры идут против русского государственного строя» [5, 379]. Цензурное ведомство еще на исходе эпохи реформ отмечало: «Подкладкою всему, что пишется в этом журнале, служит какое-то высокомерное и презрительное отношение к русской народности и благоговение предо всем западноевропейским [6, 46]. Весьма определенно по этому поводу высказался еще в первые годы своей обозревательской деятельности К. Арсеньев: «...у нас... закоснела шея в подбострастном наклоне к Западу? — цитировал он московскую славянофильскую газету “Русь”. — К какому Западу? К тому ли, который во многом сходится с Востоком, — который создает “антисемитские” движе-

¹ Л. Толстой в письме жене 25 октября 1894 г. цитировал манифест Николая II, взошедшего на престол после смерти отца, «Россия сильна беспредельной преданностью к нам», назвав его «исключительно неприличным» (см.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1928–1964. Т. 84. С. 229). А 30 ноября записал в дневнике: «Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие, и само потонет еще скорее» (Там же. Т. 52. С. 152).

ния... мешает в Испании постройке протестантских церквей, в Бельгии — организации светских школ? ...Который недавно увлекался “имперскою” политикою Биконсфильда... продолжает идти по стопам кн. Бисмарка, сегодня исповедуя вместе с ним учение “железа и крови”, завтра слепо веруя в его социальные эксперименты? ...Который действует динамитом и возводит в догмат анархию?» [7, 460]. Позже его поддержал А. Пыпин: «...у нас процесс развития был еще в периоде брожения, — писал он, размышляя о судьбах русского романа за границей, — между тем критическая мысль была уже настолько развита, что односторонности западного предания стали бросаться в глаза, как ясны были и несовершенства социальных отношений... сильнейшие умы русской литературы умели критически относиться к явлениям западной жизни» [8, 342–343]. Вместе с тем известен ответ М. Стасюевича на намерение Л. З. Слонимского, постоянного автора «Иностранного обозрения», написать статью о кризисе европейского парламентаризма: «...осторожно нужно говорить о “кризисе” парламентаризма там, где и репа растет еще плохо!» [9, 13].

В поисках эффективных методов возделывания «репы» авторам «Вестника Европы» приходилось обращать взоры на этот пусть и несовершенный Запад, пытаясь определить как ближайшие, так и отдаленные перспективы развития собственной страны. Здесь считали, что необходимым этапом эволюции социально-политической системы России должна стать конституционная монархия. Германия рубежа XIX–XX вв. как нельзя лучше подходила для обсуждения этой перспективы. С одной стороны, напрашивались аналогии: самая консервативная монархия Западной Европы, сохранившая в государственном устройстве черты феодализма, в общественном — сословные перегородки, с довлеющей над населением бюрократией и ярко выраженным милитаристским уклоном. С другой — в стране существовала конституция, работал парламент, в котором были представлены в том числе и социалисты, власть «допускала свободу печати, публичное обсуждение государственных дел, участие выборных представителей в решении внутренних законодательных вопросов, гласный суд и несменяемость судей» [10, 862]. Здесь аналогии заканчивались и начинались «бесплодные мечтания» российских либералов, как выражался при вступлении на престол Николай II. Да, в письмах редактор «Вестника Европы» называл правящую верхушку Германии конца XIX в. «партией бездарного произвола» [11, 98]. Л. Слонимский в «Иностранном обозрении» неоднократно приводил факты игнорирования ею и конституции, и решений рейхстага. Но в России отсутствовала даже попираемая конституция и зависимый парламент — институты, которые, по убеждению авторов журнала, самим фактом своего существования создавали возможность

демократизации социально-политической жизни. В России ближайший советник двух последних императоров К. Победоносцев в своих публицистических выступлениях, называя демократию «великой ложью нашего времени», писал: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийского парламента! Да не будет!» [12, 51]. Поэтому, в целом не симпатизируя Бисмарку как государственному деятелю, Л. Слонимский после его отставки замечал, явно имея в виду обер-прокурора Священного синода: «Князь Бисмарк, при всем своем консерватизме и при всей односторонности своих военно-политических идеалов, никогда не употреблял своего руководящего влияния и авторитета для противодействия свободному умственному и культурному развитию немецкого народа» [13, 391].

Отсутствием надежд на изменения во внутренней политике российской власти были вызваны и демонстративно завышенные оценки в материалах журнала внутривластной деятельности взошедшего на германский трон Вильгельма II. Отставка Бисмарка, отмена репрессивного «закона о социалистах», меры по улучшению положения рабочих, повышение роли рейхстага в решении социально-политических проблем, — все это рассматривалось как свидетельства интенсивной демократизации системы управления страной в контексте аналогичных процессов в других государствах Европы. «Политические принципы, которые еще недавно считались основами государственной мудрости, изменились до неузнаваемости в Западной Европе. Правительственный консерватизм нигде уже не понимается в смысле охраны или восстановления старых привилегий, ограничений и стеснений, — писал Л. Слонимский, — серьезные политические деятели консервативного лагеря повсюду выступают с программами обширных и смелых реформ, которым даже радикальные элементы оппозиции не могут отказать в сочувствии и поддержке. Самое консервативное и крепкое из европейских правительств — прусское — решительно вступило на путь либеральных преобразований... согласно народным нуждам и потребностям, оно отвергло всякую солидарность с реакционерами старого закала... и неуклонно преследует реальные, жизненные задачи, возлагаемые на государство современным положением народов». Король «обратил... внимание на громадное большинство населения, на... народные массы, столь долго заслоненные от высшей власти привилегированными общественными слоями» [14, 379].

Нечто подобное в поведении правящей верхушки России увидели авторы «Вестника Европы» после появления манифеста 17 октября 1905 г., о чем свидетельствовала появившаяся в начале 1906 г. статья К. Арсеньева «Партия демократических реформ и ее программа». Здесь в качестве ближайшей перспекти-

вы рассматривалось превращение Российской империи в наследственную конституционную монархию, проводящую масштабные либеральные преобразования под контролем двухпартийного парламента с правом законодательной инициативы. «Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и т.п. акт, не основанный на решении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона» [15, 788]. Однако вера в реальность таких трансформаций российской монархии тогда быстро растаяла, и в 1909 г., откликаясь на выход сборника «Вехи», К. Арсеньев с горечью констатировал: «Русская государственность возвратилась к той мертвой точке, на которой стояла пять лет тому назад... Слегка измененная внешность прикрывает старое политическое содержание. Личная и общественная инициатива встречают те же препятствия, как и прежде» [16, 304].

Следует заметить, что такой ход событий не мог быть для обозревателя «Вестника Европы» неожиданным. Еще в размышлениях авторов журнала над судьбами Германии на рубеже 1880–90-х гг. было предвосхищено — пусть невольно — многое из того, что произошло с Россией в начале XX в. В частности, Е. Утин отмечал, что конституция была дана властями Германии не добровольно, а под давлением революционного движения, и император сохранял убеждение в приоритете монархической воли над конституционными правами подданных [17, 310]. Результатом была «тяжесть внутренних вопросов, неуверенность в прочности европейского мира, возможность новых кровавых столкновений для Германии» [18, 336]. А. Градовский писал о постоянном стремлении немецкой правящей верхушки из временных «боевых мер», принятых в чрезвычайных ситуациях, делать общие «боевые законы», роль которых в укреплении империи весьма сомнительна [19, 90, 91]. Л. Слонимский видел в политике правительства Германии подчинение реальных интересов страны и народа временным выгодам и удобствам власти и внесение «элемента произвола и неопределенности в общий ход политической жизни» [20, 854–855].

Можно было бы назвать эти аналогии случайными. Но листаем номера «Вестника Европы» начального периода участия России в Первой мировой войне. Присоединившись к общему патриотическому восторгу, максимально резко высказавшись о неслыханном со времен Наполеона попрании Германией международного права, о преступном характере начатой ею войны, журнал достаточно быстро перешел к свойственному ему трезвому анализу ситуации. К Арсеньев, рассуждая в своих ежемесячных обзорах «На темы дня» о том, какое влияние может иметь война на всех представителей противоборствующих сторон, писал: «...пускай освобожденный (в результате поражения Германии. — Н. К.) германский народ займет в европейской семье место, при-

надлежащее ему по праву» [21, 328]. Следует отметить, что месяцем ранее в «Иностранном обозрении» Л. Слонимский уверенно заявлял: «Никакие случайные задачи... не вознаградят Германию за неизбежное разорение ее мировой торговли, ее колоний и всего ее народного хозяйства» [22, 406]. Далее у Арсеньева — о России: «Война, освободительная по своему духу и по своим целям, не может не стать освободительной и внутри государства» [23, 340].

Приветствуя Февральскую революцию 1917 г. как падение отжившего режима, благодаря чему, по словам К. Арсеньева, «в плоть и кровь облекался образ русского гражданина, стертый до неузнаваемости в реакционные годы» [24, 360], Слонимский указывал, что решение вопроса о продолжении или скорейшем окончании «убийственной войны» зависит от того, какое влияние окажет русская революция на положение дел в Германии. И мир возможен, если германские социал-демократы в ответ на призыв Совета рабочих и солдатских депутатов будут способны мобилизовать силы для уничтожения монархии в своей стране [25, 379].

Даже определяемый рамками данной статьи весьма краткий обзор германской тематики в публицистике «Вестника Европы» рубежа XIX–XX вв. показывает, что речь не шла не только о «преклонении», но и о каком-то особом пиетете по отношению к «немецким образцам». Да, авторы журнала постоянно указывали, по каким ключевым направлениям развития страны Германия шла впереди России. Но никогда этот разрыв не представлялся непреодолимым и, как следовало из многих публикаций, мог быть сведен к минимуму в обозримом времени при наличии того, что мы сегодня называем политической волей. В конечном же счете ведущие публицисты журнала пришли к выводу, что ни монархия российская, ни монархия германская оказались не способны решать жизненно важные проблемы своих государств. И не без удовольствия констатировали, что Россия раньше, чем Германия, отказалась от дискредитировавшей себя системы власти.

Германия делила лидерство среди стран Запада, включая США, по количеству и объему посвященных ей публикаций в «Вестнике Европы» рубежа XIX–XX вв. (имея в виду период со второй половины 1880-х до 1917 г.), с Францией. И если правомерно говорить о наличии у ведущих авторов журнала своего рода политического идеала, то эта роль принадлежала именно Франции. Комментируя визит французской эскадры в Кронштадт в 1891 г., предшествовавший заключению Франко-русского союза, Л. Слонимский писал: «Французская республика представляет собою крайнее осуществление политических начал, которым у нас присваивается название западноевропейских. Французы несомненно являются самым западным народом в Европе в том специальном смысле, который придается слову “Запад” в нашей политической

литературе. Если наши публицисты говорят о гниении Запада и ведут борьбу с этим разлагающимся будто бы западноевропейским миром, то при этом они должны прежде всего иметь в виду передовую представительницу западных идей и учреждений, Францию» [26, 829].

Источник идей, обогативших жизнь народов всего мира; убедительное доказательство ведущей роли политических свобод в материальном и духовном развитии народа — в таком качестве выступала эта страна во многих материалах «Вестника Европы» указанного периода. Вместе с тем присутствовало понимание, что Французская республика представляет собой «прочно укрепившееся господство промышленной буржуазии» [27, 852], что «в современной Франции принципы свободы и равенства уживаются еще с административными и судебными порядками, унаследованными от империи» [28, 889], что «французский парламентский режим в современном его виде не соответствует идеалу народного самоуправления» [29, 105]. Но эти и другие серьезные изъяны французской демократии перекрывались ее главным достоинством: «...во Франции закон служит единственным источником власти, а у нас кроме него существуют и другие» [30, 826].

Заслуживает внимания серия публикаций о столетии Великой французской революции, подготовленных редактором М. Стасюлевичем. Достижения Франции в промышленности, науке, искусстве автор связывал с упрочением республиканского режима. О созидательной силе республики писал и Е. Утин: несмотря на поражение в войне с Пруссией, породившее «кровавую междоусобицу» Парижской коммуны, «ни одно из европейских государств за последний восемнадцатилетний период (1871–1889 гг. — Н. К.) не сделало столько для своего внутреннего развития, как Франция» [31, 577]. Непреходящее значение французской политической системы подчеркивал Л. Слонимский: «Прочность республики не зависит от личностей, пристегивающих к ней свое имя, а определяется совокупностью условий и обстоятельств, которые сложились в нынешней Франции в пользу широкого демократического режима» [32, 873–874]. Но самое интересное во всех этих материалах — отношение к революции 1789 г. как историческому событию. Празднование ее столетнего юбилея — «память, конечно, не кровавых внутренних междоусобиц, а тех новых начал, которые... проникли в политическую жизнь всех европейских народов» (Л. Слонимский) [33, 793]. «Французы празднуют годовщину вовсе не мрачной, трагической, кровавой стороны революции, а лишь тех светлых, далеко еще не осуществленных идеалов, знамя которых они думали водрузить на благо всего человечества (Е. Утин) [31, 570]. К. Арсеньев, неоднократно излагавший в своих статьях и обзорах суть либеральной программы журнала, которая основывалась в том числе и на не-

приятии революции как средства решения социально-политических проблем государства, писал о новой книге знаменитого французского историка И. Тэна: «Антипатия его к революции внушает ему слишком снисходительное отношение к ее предшественникам и к ее преемнику — к старой бурбонской монархии и к наполеоновской системе... Тэн не принимает в расчет общее свойство переходных эпох, больше намечающих, чем исполняющих... Он предъявляет к революционному правительству такие же требования, как и к правительству, действовавшему среди глубокого мира» [34, 798]. Приведенные высказывания — ключ к пониманию позиции, занятой «Вестником Европы» в полемике 1909–1910 гг. вокруг сборника «Вехи»: «Не такими поспешными обобщениями можно предвосхищать суд истории, который для русской революции вообще еще не наступил и едва ли наступит скоро... Характер революции освободительное движение получило... потому, что слишком долго был закрыт для русских граждан доступ к государственной деятельности и до крайности затруднено даже ее обсуждение» [16, 307].

В марте 1917 г., вписав Февральскую революцию в общеевропейский революционный процесс, К. Арсеньев провел аналогию с 1789 г. Он указал, с одной стороны, на востребованность этого опыта в сложившейся ситуации, напомнив об умершем год назад постоянном авторе журнала, депутате Государственной думы от партии демократических реформ М. Ковалевском: «Для историка французского учредительного собрания 1789–91 гг. нашлось бы место в первом русском учредительном собрании» [24, 372]. С другой стороны, Арсеньев отметил специфические черты русской революции, которые, с его точки зрения, несколько облегчали для новой российской власти решение стоявших перед ней проблем. Так, в дворянстве России, в отличие от Франции вековой давности, не нашлось много защитников монархии; невозможна русская Вандея, т.к. нет почвы для объединения крестьян, помещиков и духовенства, а последнее никогда не было у нас правящим сословием. Таким образом, строю не угрожает гражданская война. Так же, как для Франции 1789 г., существует внешняя угроза, но есть большая надежда на победу над немцами благодаря наличию мощных союзников и процессам демократизации в армии [24, 359–372]. Л. Слонимский связал надежду на победу со вступлением в войну США, полагая, что «в этом решении сыграло свою роль появление на арене всемирной истории новой русской демократии, способной внушать сочувствие и доверие великой американской республике» [25, 391]. В целом он разделял мнение К. Арсеньева о специфичности русской революции, которая «совершалась не по заграничным образцам и не в силу заговора или взаимного соглашения оппозиционных “буржуазных” партий с рабочим классом, а благодаря удивительному совпадению стихийных

обстоятельств и условий, подготовленных старым режимом» [25, 737].

К. Арсеньеву выпала возможность высказаться и о том, что происходило в первые месяцы после октября 1917 г. В апрельском номере 1918 г., после выхода которого журнал прекратил существование, он писал о все большем преобладании в текущей жизни тех самых темных и кровавых сторон, о которых не хотелось вспоминать когда-то в связи с празднованием столетия Великой французской революции. Террор, инициируемый новой властью; культивирование ненависти по отношению к имущим классам, особенно буржуазии; разгорающаяся гражданская война; диктатура, которую обозреватель «Вестника Европы» назвал несовместимой с властью, рассчитывающей управлять государством сколь-нибудь длительный срок, как о том заявляли большевики. Интересно, что альтернативу он нашел в «народном социализме» журнала «Русское богатство» 1905 г., т.к. «обещая удовлетворение всех народных нужд, этот социализм не разжигает народных страстей, он сеет ненависть и злобу; он открывает путь к общему счастью и истинной свободе» [35, 316].

Понять это обращение к программным установкам народнического журнала при том, что народничество как концепция «особого пути» России много лет подвергалось последовательной и жесткой критике авторами «Вестника Европы», невозможно, не учитывая их отношения к социализму. В частности, К. Арсеньев, наблюдая за ростом рабочего движения в Западной Европе и в России, усилением влияния социал-демократических партий в ряде наиболее развитых европейских стран, считал победу социализма хотя и отдаленной, но вполне возможной. Однако не видел другого пути к ней, кроме завоевания партией «четвертого сословия» парламентского большинства, вероятность которого росла вместе с ростом демократии в западном мире. «Всеобщая подача голосов, — писал он, — подготавливает почву для четвертого сословия; окончательная его победа — вопрос времени, меры и формы» [36, 891]. А в 1915 г., подводя итоги пятидесятилетнего пребывания своего журнала в системе российской печати, он отмечал, что «Вестник Европы», «расходясь с левыми в выборе средств действия... был во многом близок к ним по целям» [37, VII]. Но если в начале 1890-х гг., сравнивая положение рабочих в России и в Западной Европе, Л. Слонимский писал, что последние «имеют все-таки возможность организоваться, охранять свои человеческие права и свой быт» [30, 339], в то время как российские рабочие этой возможности практически лишены, то в 1917 г. он же назвал рабочий класс решающим фактором победы Февральской революции [25, 373–374]. По этой логике и после октября 1917 г. не было причин отказывать рабочим в праве строить социализм под руководством пришедшей к власти РСДРП.

Отсутствие прецедентов социалистических революций в мировой практике; специфика России как крестьянской страны; особенности российского капитализма, нигде в Европе не имевшего «таких разнообразных и соблазнительных средств наживы, как в нашей “великой и обильной” стране, такого простора для всяческих хищений и обирательств, истребления народных богатств, для эксплуатации народной нужды, невежества и беспомощности рабочего люда» [39, 759], о чем говорилось в многочисленных публикациях разных авторов «Вестника Европы» рубежа XIX–XX вв.; неприятие в этих условиях марксистской концепции скачка из одной общественно-экономической формации в другую, видимо, и побудили К. Арсеньева обратиться к отечественным разработкам в области теории социализма. Народничество имело здесь самую богатую традицию. К началу XX в. его либеральное крыло, представленное в журнале «Русское богатство», практически избавилось от «греха» антиисторизма, долгое время вызывавшего упреки со стороны публицистов «Великой Европы», которые в то же время симпатизировали народникам как искренним и последовательным защитникам интересов трудящихся масс, особенно крестьянства. Программа сформировавшейся вокруг «Русского богатства» в 1905–1906 гг. партии народных социалистов с ее установкой на «социалистическую эволюцию» — мирное внедрение элементов социализма в капитализм — не могла не быть близка К. Арсеньеву, поскольку в ее конечных целях совпала с многим из того, что обозреватель «Вестника Европы» исповедовал и проповедовал на протяжении всей своей полувековой журналистской деятельности. Исключение радикальных методов борьбы; самоценность и верховенство человеческой личности; прямое участие народа в законотворчестве и управлении государством; открытая социалистическая партия всех трудящихся, отстаивающая интересы любой социальной группы, если они не идут вразрез с интересами трудящихся; крепкое крестьянское хозяйство как цель аграрной политики; наконец, демократические начала жизни всего народа, которые для К. Арсеньева составляли суть либерализма, его непреходящую ценность. «Мы не можем себе представить такого момента, когда потеряла бы свою цену, например, свобода печатного слова. Она всегда будет составлять любимую мечту, заветную цель всех тех, кто видит в ней неискоренимую потребность человеческой мысли и незаменимое условие общественного развития... То же самое следует сказать и о свободе верований, и о неприкосновенности личности, и о равенстве перед законом... о всем том, что входит в состав известной, но вечно юной “либеральной программы”» [40, 467].

Подводя итоги, в первую очередь следует сказать о том, что в публицистике «Вестника Европы» рубежа XIX–XX вв. европейский путь развития Рос-

сии не только не вызывал вопросов, но представлялся естественным, само собой разумеющимся. Как писал Вл. Соловьев, наверное, самый яркий и неординарный автор журнала последнего пятидесятилетия XIX в., на этот путь «прочно, бесповоротно» поставил страну Петр I. Более того, «по общему своему смыслу и направлению реформа Петра Великого не была для русского народа чем-то совершенно новым: он своим историческим подвигом возвращал Россию на тот христианский путь, на который она впервые встала при св. Владимире. Меняя свое национальное идолопоклонство на всечеловеческую веру... Россия тем самым признавала себя составною частью единого человечества, приобщалась к его исторической судьбе» [41, 290, 301]. При этом «для всякого неослепленного ума было ясно, что зло русской жизни состояло в том, что у нас было слишком мало европейского содержания» [42, 737], главной составляющей которого к концу XIX столетия стала все возрастающая активность гражданской жизни на Западе, находившейся в России на самом низком уровне развития. «Главная наша немощь здесь состоит в слабом развитии личности, а через это и в слабом развитии общественности... при подавлении личного начала из людей образуется не общество, а стадо, — писал Вл. Соловьев. — Тут уже нет речи о законности, о праве, о человеческом достоинстве, о нравственности общественной, — все это заменяется произволом и раболепством... культ сильной власти... возводит в принцип коренное бедствие нашей жизни, указывает в нем наше главное превосходство над западной цивилизацией, погибающей будто бы от доктринерских идей законности и права» [43, 778].

Вместе с тем авторы журнала всегда подчеркивали, что европейские модели, переносимые на российскую почву, никогда не могли и не смогут в дальнейшем избежать существенного влияния особенностей исторического развития и современного состояния страны. И Запад в публицистике «Вестника Европы» никогда не был ни неким монолитом, ни объектом поклонения, как представляли позицию издания цензура и охранительная печать. Критика несовершенств западных экономических, социальных, политических систем последовательно велась в журнале на протяжении всего времени его существования. Она затрагивала и «либерализм западного образца», который принимался как носитель фундаментальных демократических ценностей, но не вызывал сочувствия как защитник «односторонних буржуазных интересов».

Однако постоянное и подчас демонстративное обращение к опыту развития Запада редакция «Вестника Европы» считала необходимым, поскольку антизападнический характер официальной идеологии рубежа XIX–XX вв. был обусловлен неприятием

фундаментальных либеральных ценностей и чем дальше, тем очевиднее направлен на консервацию архаичной социально-политической системы, режима власти, неспособного адекватно реагировать на вызовы времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 402.
2. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 2, д. 165/6.
3. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 2, д. 165/7.
4. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1890. — № 3. — С. 453–462.
5. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1886. — № 7. — С. 373–411.
6. РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 87.
7. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1884. — № 11. — С. 445–466.
8. Пыпин А. Н. Русский роман за границей / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1886. — № 9. — С. 301–344.
9. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 1, д. 18.
10. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1887. — № 4. — С. 857–872.
11. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 1, д. 98.
12. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. — М.: Русская книга, 1993. — 640 с.
13. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 5. — С. 378–395.
14. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 7. — С. 376–392.
15. Партия демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. — 1906. — № 2. — С. 786–793.
16. Арсеньев К. К. Призыв к покаянию / К. К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1909. — № 5. — С. 299–309.
17. Утин Е. И. Император Вильгельм I. Старая и новая Германия / Е. И. Утин // Вестник Европы. — 1888. — № 5. — С. 308–339.
18. Утин Е. И. Император Вильгельм I. Старая и новая Германия / Е. И. Утин // Вестник Европы. — 1888. — № 5. — С. 301–345.
19. Градовский А. Д. Государство и церковь в Пруссии / А. Д. Градовский // Вестник Европы. — 1886. — № 9. — С. 82–136.
20. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1890. — № 4. — С. 848–865.
21. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 10. — С. 317–332.
22. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1914. — № 9. — С. 402–417.
23. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 11. — С. 330–345.
24. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 359–372.
25. Слонимский Л. Иностранное обозрение / Л. Слонимский // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 373–392.
26. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 8. — С. 827–849.

27. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1891.— № 6.— С. 842–881.
28. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1888.— № 4.— С. 889.
29. Слонимский Л. З. Новейшие критики парламентаризма / Л. З. Слонимский // Вестник Европы.— 1888.— № 5.— С. 101–137.
30. Внутреннее обозрение // Вестник Европы.— 1888.— № 6.— С. 804–829.
31. Утин Е. И. Восемнадцать лет спустя. 1871–1889 / Е. И. Утин // Вестник Европы.— 1889.— № 12.— С. 560–582.
32. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1889.— № 2.— С. 858–882.
33. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1889.— № 6.— С. 789–819.
34. Арсеньев К. К. Новый историк современной Франции / К. К. Арсеньев // Вестник Европы.— 1891.— № 2.— С. 773–800.
35. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы.— 1918.— № 1–4.— С. 304–317.
36. Из общественной хроники // Вестник Европы.— 1891.— № 6.— С. 882–898.
37. Арсеньев К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» / К. Арсеньев // Вестник Европы.— 1915.— № 12.— С. I–XIV.
38. Слонимский Л. З. Промышленные идеалы и действительность / Л. З. Слонимский // Вестник Европы.— 1891.— № 11.— С. 330–350.
39. Слонимский Л. З. Промышленные идеалы и действительность / Л. З. Слонимский // Вестник Европы.— 1891.— № 12.— С. 730–766.
40. Из общественной хроники // Вестник Европы.— 1891.— № 1.— С. 461–478.
41. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания / В. С. Соловьев // Вестник Европы.— 1889.— № 5.— С. 280–319.
42. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания / В. С. Соловьев // Вестник Европы.— 1889.— № 6.— С. 734–756.
43. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания / В. С. Соловьев // Вестник Европы.— 1889.— № 12.— С. 773–795.

*Воронежский государственный университет
Козлова Н. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики и литературы*

*Voronezh State University
Kozlova N. N., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism History and Literature Department*